

Орлов Игорь

9.06.04

ИГОРЬ ОРЛОВ:

Мечтаю о гармонии и страшусь ее потерять...

Культур. - 2004. - 3-9 июня. - с. 10

Игорь ОРЛОВ – явление в нашем искусстве необычное, сложное и своеобразное. В своих картинах он подчас совмещает вещи с первого взгляда несовместимые, даже противоположные друг другу, стремясь достичь единения Вселенной и земных подробностей, Космоса и бытовой повседневности. Но когда преодолеваешь неожиданность первой встречи с его живописью, постепенно начинаешь познавать ее духовные и нравственные стимулы, понимать цельность, простоту и глубину его образного мира. Художник Борис Диодоров, отмечая Игоря Орлова как “незаурядного колориста”, создавшего “неповторимую орловскую палитру”, сказал: “Он, как всякий серьезный художник, обращается исключительно к личному жизненному и духовному опыту и воплощает в “веховых” работах свою концептуальную систему мироздания... Он – один из тех, для которых первопричина и смысл творчества – Любовь и гармония”.

– Как зарождалась ваша система миропонимания и мироощущения?

– Ощущение красоты, гармонии и целостности мира – одно из самых ранних моих воспоминаний. Память выхватывает в далеком детстве летний день с высоким небом и белыми облаками. Я – на опушке соснового бора. На краю – сосны, небольшой овражек, поросший мягкой, шелковистой травой, прохладной и влажной. В траве у журчащего ручья – россыпь белых звездочек-цветов. Я вижу все это одновременно и чувствую себя маленькой частицей огромного прекрасного мира. Какое ощущение полноты бытия!

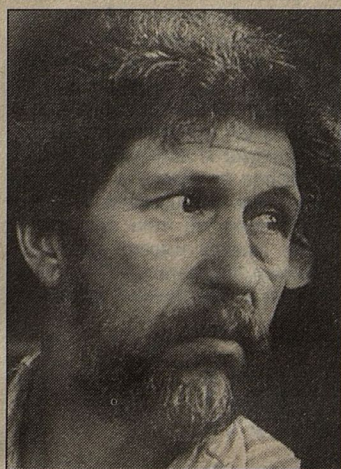
Из детских впечатлений и возникла мечта о гармонии, о неразрывной связи самой малой, незаметной для постороннего взгляда мелочи с огромным, беспредельным миром. Оттуда и возникает образ потока времени, который никогда не иссякает. Поток этот омывает события далекого прошлого, а сейчас мы входим в него. Нас он передает в далекое будущее. Поиски гармонии, точнее – мечта о гармонии, ощущение непрерывности времени и стало одной из главных тем моего творчества.

– Вероятно, к ней вы пришли не сразу...

– Еще во время учебы в Московском художественном институте имени В.И.Сурикова, который окончил в 1960 году, я увлекся импрессионистами и постимпрессионистами. Позже обратился к сюрреализму. В этом стиле исполнены “Натюрморт с шаром”, “Черемушки”, а в 1967 году – сатирический “Триумф социализма”. Тогда, естественно, я эту картину нигде не выставлял, за нее молги и посадить. Впервые показал ее уже в перестроечное время в Третьяковской галерее на выставке, посвященной неосавангарду. В нынешней своей манере я стал работать в конце 70-х годов.

– Как вы сами ее называете?

– Романтический, или композици-

И.Орлов

онный пейзаж. Он возник отчасти под влиянием Пуссена, Лоррена. Написал цикл картин “Связь времен. Вспоминая о Лоррене”, полотно “Связь времен. Вспоминая о Пуссене. Пейзаж с Полифемом”. Во фрагмент этой известной картины я вписал валдайский пейзаж, как бы связав столь давнее время с настоящим.

Или – “Воспоминание о Рублеве”. Его “Троицу” поместил в интерьер деревенской избы, напоминающей театральную декорацию, которая как бы уходит в реальный пейзаж. Совмещение на одном холсте несовместимых в действительности вещей дает совершенно новый, необычный и многозначный образ связи времен. В такой же манере написаны “Интерьер в ночном пейзаже”, “Вечер”, “Дом и небо”...

– Какие еще художники вам близки?

– Сильвестр Щедрин, Максим Воробьев, Николай Крымов. Особенно – Григорий Сорока. У меня перед глазами его пейзаж: на тихом озере в лодке сидит мальчик-рыболов. Такая благодать, спокойствие, ничем не тронутая тишина! Замечательное произведение!

– Вы назвали совершенно разных художников. Рублева и Пуссена, Сороку и Щедрина. Что общего вы находите у них, что в той или иной степени отражено в вашем творчестве?

– Поиск красоты и гармонии, созерцательность и умиротворенность, духовная уравновешенность. Они воспринимают мир с какой-то своей вершины, вне земной суеты и жизненных страстей.

– Как возник замысел картины “Поднебесье” – одного из ваших значительных произведений? Вы неоднократно к нему возвращались...

– Идея картины родилась на Валдае, куда я люблю ездить. Там я увидел пейзаж – высокое небо, гладь воды тихого озера и отраженный в ней противоположный берег. Возник образ: земля будто взвешивается в небе, в беспредельном воздушном пространстве, плывет в нем, словно в океане.

– Значит, первоначальная идея ваших композиционных произведений рождается на натуре, в реальной жизни?

– К каждой картине я делаю сто и более натурных этюдов. А пишу я их очень много – тысячи! Вот, посмотрите, все стены мастерской увешаны холстами. Они и сами по себе вполне самостоятельны, но некоторые из них со временем станут картинами со своим неповторимым образом.

Так, например, появилась картина “Подсолнухи”. Я люблю в своей твердой деревне их разводить, ухаживать за ними. Однажды я увидел подсолнухи при заходящем солнце – и родился образ: толпа огнепоклонников непрерывной чередой появляется из темноты и идет к солнцу. В этом даже что-то мистическое...

– От некоторых ваших картин веет тревогой, какой-то злойшей напряженностью, страхом. Вот, скажем, триптих “Предчувствие”. Уж в нем нет никакой созерцательности и умиротворения...

– Да, в триптихе есть предчувствие беды, надвигающейся катастрофы, которая в одночасье может уничтожить весь этот мир, и он исчезнет, погрузится в вечную тьму. Эти картины – предупреждение, предостережение... Поиск гармонии, чувство непрерывности времени – и постоянное, присутствующее всегда рядом предчувствие чего-то страшного, какой-то опасности. Но потом вспоминаешь далекий летний день, журчащий ручей, россыпь цветов, ветер в вершинах и белые облака над ними – и ощущение беды, катастрофы отступает. Появляется надежда. Может быть, все образуется? Ведь мир изначально так прекрасно устроен.

– Можно отнести ваши картины к так называемому актуальному искусству?

– Нет. Да и существует ли вообще такое искусство? Я назвал бы его “рыночным”, если его можно таковым считать. Это термин, за которым подчас ничего нет, пустота. Он придуман под благозвучным лозунгом “просвещения” зрителя для того, чтобы “угоризить” богатых людей, как правило, ничего не понимающих в искусстве, вкладывать в него большие деньги. Как в самый надежный банк, как выгодное вложение капитала. Пример тому – аукционы в Лондоне или Париже. Там выставляется, а порой и продается много таких “раскрученных” работ. Но российский зритель не готов воспринимать “актуальное” искусство и вкладывать в него свой капитал. Поэтому наши художники стремятся продавать свои картины на Западе.

– Однако на зарубежных аукционах большим успехом пользуются Айвазовский и Шишкин, которых не нужно раскручивать. Кстати, как вы относитесь к этим художникам?

– Айвазовского я не воспринимаю, хотя он – большой мастер. А Шишкина со временем чувствую ближе и ближе. Это – великий русский художник. И разумеется, никакой не натуралист, как порой его пытаются преподнести. Он прекрасно знает и понимает натуру. И он гораздо современнее, чем многие наши модные живописцы.

– Хорошо ли покупаются ваши картины?

– Пожалуй, нет. Они рассчитаны на образованного, широко мыслящего зрителя. А у моих приверженцев нет больших денег. Богатых же людей больше привлекают картины модных художников в тяжелых позолоченных рамах.

– Ваш жизненный и духовный завет?

– Я часто мысленно повторяю молитву: Господи, благодарю Тебя за то, что Ты дал мне еще один день – такой неповторимо прекрасный. Господи, помоги мне славить и этот день, и этот мир, его красоту, гармонию и неповторимость.

И.Орлов. “Мир растений и облаков”. 1992 г.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН